

СЕСТРЫ

Был июль 1941 года. Позади остался разбомбленный и подожженный фашистской авиацией родной Минск. Неужели это там, в огненном аду, вихрем взлетала она по лестницам в больничную палату, где лежал после хирургической операции Игорьек? Помнитесь, схватила сына в охапку и понеслась из сотрясаемого взрывами города.

Не выпуская тяжелой и самой дорогой ноши из обессилевших рук, бросалась в придорожные кюветы, спасаясь от самолетов со свастикой. Так добралась до Москвы. А потом они подошли к поезду с табличками на вагонах «Москва — Алма-Ата». На десятые сутки прибыли в столицу Казахстана.

Утопающие в зелени, прямые, как стрелы, улицы от привокзальной площади поднимаются к заснеженным горам, залитым ярким солнцем. В силуэт горного хребта впечатан величавый фронтон театра. Могла ли предугадать Александровская, что потом, после военного лихолетья, будет всегда помнить, где бы ни находилась, об этом театре, как помнят люди свой родной дом!

Лариса Помпеевна была в поношенном, стиранном - перестиранном платье и в изношенном пальто. На вокзале встретил ее администратор Казахского театра оперы и балета имени Абая смуглолицый, художавший казах. Маленький автобус театра был готов забрать ручную кладь и багаж.

— А где же чемоданы? — спросил растерянный администратор.

Она ответила:

— Все мое имущество при мне. Точнее — на мне.

Администратор удивленно развел руками. За тысячи километров от фронта трудно было представить себе тогда, в сорок первом, как может выглядеть женщина «оттуда», из самого пекла войны. Изумиться было чему: гостья являлась народной артисткой СССР.

Александровскую привезли прямо в театр. Она отдыхала в красивом уютном фойе. Ее окружили казахские коллеги. Они наперебой предлагали Ларисе Помпеевне и Игорьку свое гостеприимство, заботу. Каждый доказывал, что его квартира и просторнее, и тише, и ближе к театру.

— А где же тут моя сестра? — спросила Александровская. — Давно я ее не видела. Сестра, отзовись!

Черноглазая, симпатичная казашка с иссиня-черными, гладко расчесанными на пробор волосами и с ямочками от радостной улыбки на щеках, энергично пробилась сквозь окружение к гостье.

Лариса Помпеевна подлялась навстречу Куляш Байсеитовой. — Здравствуй, сестра Гульбахрам! — назвала ее настоящим, а не артистическим именем. — Здравствуй, милый казахский соловей!

— Мы поселились в квартире художественного руководителя театра имени Абая Эмиля

Иосифовича Юнгвальда-Хилькевича, — вспоминает Александровская. — Его семья предоставила нам отдельную комнату, кровать для меня, кушетку — Игорю, постельные принадлежности.

За Ларисой Помпеевной потянулись в Алма-Ату из разных мест белорусские актеры. Уже к осени 1941 года коллективы Казахского и Белорусского оперных театров слились в одну интернациональную семью.

Очень не просто было это — дать всем им, артистам из Минска, труд по профессии, обеспечить их жильем, продовольствием, одеждой. Поток эвакуированных из Белоруссии, Украины, Прибалтики, средне-русских областей захлестывал города и аулы Казахстана. А ведь ни о каком жилищном строительстве нельзя было и мечтать. И все же ни одна семья, прибывшая с запада, ни один человек не остался без крова. Все белорусские артисты, подобно Александровской, влились в семьи своих казахских товарищей по труду. Жили, как говорится, в тесноте, но без обиды.

Много раз в Казахском оперном, а также в других театральных и концертных залах республики, с эстрад, на открытых площадках звучали в годы войны арии, песни, мелодии Белоруссии. Они полюбились казахам. Не однажды был я свидетелем того, как слушатели, в подавляющем большинстве казахи, подхватывали песни гостей из далекого края. А белорусам прилились по душе казахские напевы.

На благодатной почве глубокого родства национальных культур свободных народов пустила крепкие корни, расцвела ярким цветом дружба «сестер» — Ларисы Александровской и Куляш Байсеитовой. Популярный дуэт исполнял песни своих народов и на белорусском, и на казахском языках.

Советское Информбюро, известное тогда в стране по ежедневным сводкам о положении на фронтах, выполняло и другую миссию. Его корреспонденты — ищатели и журналисты питали зарубежную прессу очерками о подвиге нашей страны на переднем крае битвы и в глубоком тылу. На меня, в то время собкора газеты «Известия», были возложены и обязанности корреспондента Совинформбюро. В этом качестве бывал я гостем казахского режиссера Байсеитова и его жены Куляш. Часто писал о Байсеитовой, в частности, о ее дружбе с Александровской. О том, как они неразлучны на репетициях, в артистических бригадах, как восторженно встречают «сестер» на заводах, в селах, аулах, в госпиталях, на фронте.

— Вы себе не можете представить, — вспоминает Лариса Помпеевна свои дебюты в Казахстане, — сколько переживаний доставляли они Куляш! Ну, например, роль Кармен. Вот, взгляните, — она протянула мне фото, датированное июлем 1941 года: «Кармен — Л. П.

Александровская на сцене Алма-Аты». — Без Куляш мне было тогда не обойтись. И серьги, и бусы, и веер, да и многое другое, столь необходимое для полноты внешнего образа Кармен, доставала мне Байсеитова. Куляш старалась изо всех сил, чтобы я ни в чем не ощущала недостатка.

В судьбах прославленных певцов много общего. Обе вышли из народных глубин. Обе начинали путь к вершинам национального оперного искусства в кружках художественной самодеятельности. «Сестры» были в числе первых исполнительниц главных партий: Александровская — в белорусских операх, Байсеитова — в казахских. Это исполнение вошло в золотой фонд многонационального искусства Родины. Среди первых выдающихся мастеров советской сцены удостоились они званий народного артиста СССР и лауреата Государственной премии СССР. В Коммунистическую партию вступили тоже одновременно. Много сил и энергии отдавали они государственной деятельности. Л. П. Александровская избиралась депутатом Верховных Советов СССР и Белоруссии. Депутатом Верховного Совета Казахской ССР нескольких созывов была К. Ж. Байсеитова.

Мудрым своим отцом величали они народного акына Джамбула Джабаева. Его вниманием, советами, заботой обе очень дорожили, многие его стихи сразу запоминали наизусть и читали с глубочайшим волнением.

...Беру с полки книжного шкафа том Джамбула. Перед мысленным взором оживают дни, проведенные мной в его хлебосольном доме.

Помню выдубленное солнцем и ветрами лицо Джамбула, доброе, чуть прищуренные, не по годам живые глаза под нависшими густыми бровями. Его худые, старческие пальцы, коснувшись струн домбры, вдруг обретали силу, твердость в эластичность. Джамбул, покачиваясь, склонив голову к домбре, приговаривал гортанным топким голосом слова. Он пел нам о земляках — гвардейцах — панфиловцах, о защитниках Ленинграда, о белорусских партизанах.

Я привез Джамбулу из Алма-Аты земной поклон Александровской. Ответно поклонившись, он ласково улыбнулся и тут же засыпал меня вопросами о «дочке» — как и над чем работает, куда ездила и собирается поехать, здоров ли сын и хорошо ли учится?

Три десятилетия спустя в Минске Лариса Помпеевна, беседа со мной, вспомнила сердечное, поистине отцовское отношение к ней Джамбула.

— С тех исключительно теплых наших встреч, — сказала она, — хранится в моей семье грампластинка - реликвия. Хотите посмотреть?

Еще бы! Я прошу положить пластинку на проигрыватель. И вот зазвучала домбра Джамбула и его гортанный речитатив, поэтически ритмичный и напевный. А на обратной стороне грампластинки — нежная и

трогательная белорусская «Перепелочка» в неповторимом, чарующем исполнении молодой Александровской.

Ах, как летят годы! Но они не в силах затмить в памяти вечер расставания с гостеприимной Алма-Атой.

— Помните? — спрашивает Александровская.

Можно ли такое забыть!

Вся белорусская земля еще лежала за линией фронта. Яростные бои шли на дальних подступах к ней. Но страна уже дышала воздухом грядущей Победы, и ни у кого не вызвало удивления то, что белорусский театр брал курс из столицы Казахстана напрямик в свою столицу — Минск. Значит, вот-вот гитлеровцы будут изгнаны оттуда!

Один за другим выходили на авансцену белорусы, обращая сердечные слова прощания и благодарности казахским коллегам, всему казахскому народу. Настал черед и Александровской. Мы ждали, что и она от всей души воскликнет белорусское «Дзяку!». Но Лариса Помпеевна чуть кивнула дирижеру, не спускаящему с нее глаз в оркестровой яме, за пультом. Тот взамахнул палочкой, и полилась мелодия простой, задушевной, шуточно - ласковой застольной: «Будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты...». С голоса блистательной певицы Александровской вся страна узнала и полюбила Застольную композитора Любана и поэта Русака.

В тот вечер в этой песне было все: любовь к родному краю, боль от сознания, что белорусская земля еще стонет под игом ненавистных оккупантов, огромное счастье от мысли, что час освобождения близок, невотвратим.

...Летят годы. С ними все крепче и плодотворнее ленинская дружба народов, ведомых Коммунистической партией.

В изумительное по красоте кружево сплетаются ныне мелодии белорусских и казахских песен, звуки наших цимбал и казахских национальных инструментов. Они звучат у подножия гор Заилийского Алатау, в Карагане, среди яблоневых садов у Днепра и Сожа, когда съезжаются туда для традиционных встреч и творческих отчетов мастера искусства и коллективы художественной самодеятельности. Молодежь республик, между которыми пролегли тысячи километров, углубляет и расширяет дружбу, скрепленную войной. От ветеранов бережно переняла она традиции взаимного обогащения национальных культур, дорожит ими, наполняет новым содержанием. Поколение поколение передает эстафету памяти о том, как в годы смертельной опасности для Родины сражались с фашистской ордой, трудились и творили две кровные, любящие сестры, две республики СССР — Белорусская и Казахская.

Подобно солиду в капле воды, отражается это родство в дружбе замечательных дочерей нашей Родины — Ларисы Помпеевны Александровской и Куляш Жасымовны Байсеитовой.

Аркадий ЭВЕНТОВ,
г. МИНСК.

20 FEB 1975

КАЗАХСТАНСКИЙ ПРАВДА
г. АЛМА-АТА